

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)
М25

Laura Marshall
FRIEND REQUEST

Перевел с английского
Владимир Медведев

Дизайнер обложки
Юлия Прописнова

Печатается с разрешения литературных агентств
Curtis Brown UK и The Van Lear Agency

Маршалл Л.

М25 Запрос в друзья : [роман] / Лора Маршалл; [пер. с англ. В. Медведева]. — СПб. : Аркадия, 2019. — 336 с. — (Серия «Вертиго»).

ISBN 978-5-906986-90-0

Выйдя на улицу, чтобы немного прийти в себя после бурного выпускного вечера, шестнадцатилетняя Мария Вестон исчезает навсегда. Девушку считают погибшей, однако спустя двадцать пять лет одноклассники начинают получать от нее письма с угрозами.

Неужели она жива и долгие годы скрывалась, но зачем?

Больше остальных напугана успешная предпринимательница Луиза Уильямс, которая уверена, что страшная судьба Марии целиком и полностью лежит на ее совести.

Роман Лоры Маршалл — это будоражащее кровь погружение в бездну страхов, сомнений, амбиций и не изжитых комплексов.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)

© Laura Marshall, 2017

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление.

ООО «Издательство Аркадия», 2019

ISBN 978-5-906986-90-0

Сообщение, появившееся у меня в почте, производит эффект разорвавшейся бомбы:

Мария Вестон направила вам запрос на добавление в друзья.

Я не сразу замечаю, что оно пришло из «Фейсбука», и вижу только: «Мария Вестон просит принять в друзья». Инстинктивно захлопываю крышку ноута и вскакиваю. Такое ощущение, что мне в горло засунули напитанную водой губку, и она не дает дышать. Пытаюсь сделать глубокий вдох, чтобы взять себя в руки. Может, я ошиблась? Нет, я точно ошиблась, потому что этого не может быть! Медленно сажусь обратно на стул и поднимаю крышку ноутбука. Дрожащими руками снова открываю сообщение. На этот раз от реальности не отвертеться. Мария Вестон просит меня принять ее в друзья.

До этого момента день был ничем не примечательным. Я отправила Генри к Сэму и планировала хорошенько потрудиться над эскизами для клиентки, которая заказала интерьер в бежевых тонах, но при этом хотела, чтобы было «нескучненько». Когда я увидела уведомление о пришедшем на почту новом сообщении, то обрадовалась поводу отвлечься от работы и понадеялась, что это будет письмо от кого-нибудь из знакомых, а не рекламный спам.

Лучше бы это был спам, лучше бы я не отрывалась от своего довольно нудного занятия. Должно быть, кто-то так жестоко пошутил. Но кто? Кому это могло показаться смешным? Кто вообще знает о том, какую реакцию у меня вызовет подобный запрос?

Конечно, имелся простой выход из сложившейся ситуации. Достаточно удалить сообщение, зайти на «Фейсбук» и отклонить запрос, даже не заглядывая на страницу. Часть меня требовала поступить именно таким образом и сразу положить этому конец. Но другая часть, глубоко спрятанная и потаенная, жаждала продолжения. Чтобы все выяснить.

И я повиновалась ей. Кликнула на «Подтвердить запрос». И сразу попала на страницу Марии Вестон. В профиле — старое отсканированное фото доцифровой эпохи. На нем Мария в зеленом форменном пиджаке, длинные каштановые волосы развеваются на ветру, на губах играет улыбочка. Я прокручиваю экран в поисках подсказок, но на странице информация скудная. Друзья у нее отсутствуют, кроме фото профиля нет никаких других фотографий.

Она бесстрастно оставилась на меня с компьютерного экрана. Последний раз я ощущала на себе этот холодный взгляд двадцать пять лет назад. И уже забыла, как она оглядывает человека: без неприязни, но оценивая и понимая про него больше, чем он готов показать. Я так и не узнала, осознала ли она, что я с ней сделала.

На заднем плане просматривается здание школы из красного кирпича, такое знакомое, но в то же время странное: как будто оно возникает из чужих, а вовсе не из моих собственных воспоминаний. Удивительно: бывает, ходишь в одно и то же место каждый день на протяжении пяти лет, а потом все заканчивается, и ты больше никогда туда не возвращаешься. Словно и не было ничего.

Я ловлю себя на том, что не могу долго на нее смотреть. Мой взгляд блуждает по кухне, я пытаюсь зацепиться за обыденное, чтобы отвлечься от этой новой, ошеломляющей реальности. Встаю, намериваясь приготовить кофе. Кладу гладкую блестящую капсулу в кофемашину, привычным движением нажимаю

кнопку кончиком пальца, подогреваю молоко. Этот ритуал успокаивает.

Меня окружают атрибуты комфортной жизни, типичной для представителя среднего класса и среднего возраста. Кухонная техника; на шикарном холодильнике фото, на котором мы с Генри во время нашего первого проведенного вдвоем отпуска прошлым летом. Это селфи, снятое у бассейна: наша кожа просолена и тронута загаром; Генри съел свою ежедневную порцию мороженого, и вокруг рта у него налипла пыль.

За стеклянными дверями кухни — одетый в цвета поздней осени садик во внутреннем дворе. Камни на дорожке блестят от прошедшего недавно дождика. Выщербленные цветочные горшки с засохшими бурыми стеблями свидетельствуют о моих неудачных попытках вырастить свою зелень. Нависшее полуполуденное небо унылого серого цвета. Мне видно только одну из башен-гигантов, что возвышаются тут и там над рядами террасных домов, переделанных под квартиры, подобные моей, и составляющих пейзаж этой части юго-восточного Лондона. Комната, дом, эта жизнь — все, что я так тщательно выстраивала. Семья, состоящая из двух человек. Случись что с одним из нас — и семье конец. Что могло бы развалить ее, сбросить под откос и разбить? Скорее всего, не так уж много и надо. Может, достаточно будет тычка в спину, легкого такого толчка, едва заметного.

И почему так нестерпимо жарко на моей кухне, с ее серо-голубоватыми стенами и выбеленным деревом столешниц? Пока привычно журчит кофемашина, я вполуха слушаю новости по кухонному радиоприемнику, который работает все дни напролет: спортивные победы, перестановки в правительстве, пятнадцатилетняя девочка, покончившая с собой после того, как парень запостил ее фотографии в голом виде. Меня коробит, когда я представляю

себе, как это произошло; я испытываю одновременно сочувствие к девочке и постыдное облегчение от того, что в наше время не было камер в телефонах. Я встаю и открываю дверь на улицу, мне не хватает свежего воздуха. Но порыв ветра захлопывает ее.

Кофе готов, у меня не остается выбора, и я вновь возвращаюсь к столу и сажусь за компьютер, где поджидает Мария — неизбежно и неотступно. Заставляю себя взглянуть ей в глаза, безуспешно пытаюсь отыскать хоть намек на трагедию, которая скоро должна с ней произойти. Я хочу взглянуть на ее фотографию глазами случайного наблюдателя: обыкновенная школьница, старое фото, годами его протирали и ставили на место в мамином буфете. Но ничего не получается: я не могу думать о ней так, словно не знаю, что должно вот-вот случиться.

Мария Вестон хочет со мной дружить. Может быть, в этом и была вся проблема: Мария Вестон хотела со мной дружить, а я ее предала. Всю мою взрослую жизнь мысль эта маячила где-то в глубине подсознания, я старательно удерживала ее там, словно размытую тень, едва различимую боковым зрением, почти вне поля видимости.

Мария Вестон просит принять ее в друзья.

Но Мария Вестон двадцать пять лет как умерла.

Пытаясь хоть как-то постичь то, что наделала, я всю ночь пролежала без сна. Мои глаза воспалились, их щипало от усталости, но я не смела задремать. Если я засну, то после пробуждения, ровно через одну ужасную секунду блаженного неведения, весь пережитый ужас вновь обрушится на меня, многократно усиленный этой секундой незнания.

Я вспоминаю, как в последний раз встречала рассвет в постели Софи. Только на этот раз он какой-то гнетущий и беспокойный. Всю ночь не прекращался дождь, ветка растущего под окном дерева беспрестанно стучала по раме. Но не только наркотики мешают мне заснуть, хотя я все еще чувствую, как они циркулируют в крови. Я сижу на полу уже четыре часа, за это время темноту в спальне сменяет серый полусвет. Вокруг следы тщательных приготовлений к вечеру, который двенадцать часов назад казался таким манящим, сулившим перспективы быть принятой и понятой. На кровати разложены три платья, для каждого подобрана пара обуви, выставленная перед большим стоячим зеркалом. Я тупо упираюсь взглядом в пятно на ковре, туда, где Софи рассыпала мою бронзовую пудру, а я неудачно попыталась ее стереть салфеткой, смоченной водой из стакана.

То платье, которое было на мне надето, кучкой лежит рядом со мной. Вместо него я натянула на себя старый джемпер и леггинсы. Тушь размазалась под глазами, остатки помады краснеют на пересохших губах, словно кровь.

Я так долго сижу на полу, потому что не в состоянии двигаться. Ожидала, что мое сердце будет колотиться как сумасшедшее, но его словно сжало железными

тисками, да настолько сильно, что непонятно, как оно вообще еще бьется. Все замедлилось до похоронного ритма. Если я поднимаю руку, чтобы заправить за ухо прядь волос или что-нибудь поднять с пола, как бы быстро я это ни делала, двигаюсь, будто в замедленной съемке. Мозг пытается найти разумное объяснение случившемуся, я смутно вспоминаю события последних двух месяцев, пытаюсь осознать, как же все-таки к этому пришла.

Мне кажется, все началось пару месяцев назад, в тот день, когда у нас в школе появилась новая девочка. Тогда всю перемену я практически молча слушала, как Софи треплется с Клэр Барнс и Джоанн Кирби. Мы все сидели на скамейке в дальнем углу школьной площадки. Юбки у девчонок были несколько раз подвернуты на поясе, так что смысла в этих юбках почти никакого не оставалось. С другого конца площадки за Софи наблюдал Мэтт Льюис, и я точно знала, о чем он в тот момент думал. Это был один из первых дней года, когда в воздухе уже ощущается дыхание весны. Я сидела с краю, подставляя лицо лучам солнца, и надеялась, что от меня не потребуется принимать участие в разговоре. Небо было изумительно голубого цвета, Софи и две ее подруги буквально сияли: их блестящие волосы отражали солнечный свет, золотистая кожа переливалась. Конечно же, девицы понимали, какое они производят впечатление, они же не дуры!

Софи подкрашивала ресницы и рассказывала о парне, с которым она была в предыдущие выходные на шестнадцатилетии Клэр Барнс. Понятно, что меня туда не пригласили. Клэр и Джоанн терпят меня только из-за дружбы Софи со мной, хотя иногда мне кажется, что эта дружба удерживается буквально на волоске.

— По большей части мы целовались и все такое, а потом — ну, знаете, случилось то, что может случиться с каждым. Оно и произошло.

Клэр и Джоанн взвизгнули.

— Боже правый! — воскликнула Клэр. — Это так неловко! Я говорила, как я была в тот раз с Марком, ну, на вечеринке у Джонни? Мы ушли в поле, и я была, ну, снизу, взяла в рот. Но ничего не происходило, и я посмотрела наверх, и представляете, он заснул!

Софи и Джоанн захохотали, а я улыбнулась, чтобы показать, что оценила шутку. Ну я, по крайней мере, знала, что такое «брат в рот», хотя и путалась в деталях. Попыталась представить, как делаю это кому-то, кто мне на самом деле нравится, но не смогла. Честно говоря, я просто не имею понятия, как это все происходит, что там надо делать ртом или языком. Меня передернуло.

Клэр наклонилась к подружкам с видом человека, который собирает поведать великую мудрость.

— Вам-то двоим это еще интересно, для вас это в новинку, но я уже подустала от секса. Дэну только этого и нужно. Знаете, мне иногда просто хочется выбраться в город, сходить в киношку или еще куда.

Софи и Джоанн полностью с ней согласились. Забавно, что Софи, такая крутая, такая непробиваемая, в присутствии Клэр иногда дает слабину, показывает трещинки в броне. С недавних пор они позволили мне ходить с ними в город после уроков. Мы шли группой, но, если попадалась узкая тропинка вдоль реки, где можно пройти только парами, я видела, как Софи и Джоанн молча сражаются за место около Клэр.

До того дня я ни с кем еще не целовалась. Помню, как молилась, чтобы остальные не догадались об этом. Софи знала, но она не проболтается. По крайней мере, они не втягивают меня в обсуждение этих тем. Я всегда боюсь ляпнуть чего-нибудь невпопад и выдать свою неопытность. Почти все мои знания о сексе почерпнуты со страниц журнала «Мне семнадцать», хотя, видит бог, он мог бы быть посодержательней! Вся проблема в том, что редакторы исходят из неверного предположения о моей информированности хотя бы о базовых

понятиях, поэтому я то и дело натыкаюсь на слова и фразы, смысл которых мне не совсем ясен. Может, предполагается, что все это проходят в школе, но ведь нет, школьное образование сводится к показу видео семидесятых годов про роды и каким-то скомканным объяснениям о том, как пенисы входят во влагалища. Ну, про это даже я знала. Один урок обещал быть интересным: на нем мисс Кук должна была показать нам, как надевать на банан презерватив. Но, догадайтесь, что произошло? В тот день мисс Кук заболела, и нам пришлось удовлетвориться рассказами ребят из параллельных классов, у которых этот урок прошел на предыдущей неделе.

Новенькую девочку звали Мария Вестон. Она была ничего, и форма у нее такая нормальная, не модная, но и не кондовая. Мисс Алан приставила Софи присматривать за ней. Но Софи, показав новенькой, где находятся туалеты и столовая, весь остаток дня ее игнорировала. С Марией попыталась подружиться Эстер Харкур. Но даже новенькая видела, что Эстер в своих обносках и чудо-очках не поможет ей стать популярной в нашей школе. Смешно вспомнить, но в младшей школе я кучу времени проводила с Эстер. Мне нравилось ходить к ней, потому что ее мать разрешала нам часами гулять по лесу, и, несмотря на то что они были хиппи-вегетарианцы, к чаю нам перепало вкусненькое. В каком-то смысле я по ней скучаю, нам было весело вместе. Но теперь я никак не могла с ней дружить, кошмар.

В общем, за обедом Софи даже не села с новенькой за один стол. А Эстер уже держалась от нее подальше, после того как Мария на утренней перемене была с ней холодна. Приближаясь к кассам столовой, я принялась привычно сканировать помещение, определяя, где мне лучше обосноваться. Мария одиноко сидела за столом, который оккупировала группка реальных ботанов, включая Наташу Гриффитс (или, как прозвала

ее Софи, Лицо-и-Шею, потому что она использовала оранжевый тон для лица, а шея у нее оставалась белой). Лицо-и-Шея рассуждала о своей домашке по английскому и о том, как высоко о ней отозвался мистер Дженкинс, и что он попросил ее остаться после уроков (готова поспорить, что так и было — все считали его старым извращенцем). Я прошла было мимо Марии, раздумывая, как бы присоединиться к Софи (она сидела вместе с Клэр и Джоанн за дальним столиком в левом углу, который по какой-то причине считался очень крутым — хотя, конечно, если ты не ешь на обед один лишь йогурт, сидеть там довольно неловко), и в этот момент поймала на себе взгляд Марии. Она ела картошку в мундире и слушала, как Наташа хвалится своим эссе про Шекспира. При этом она улыбалась, словно уже раскусила Наташу, и что-то заставило меня замедлить шаг.

— Здесь не занято?

— Нет-нет, — ответила она, передвигая свой поднос и освобождая для меня место. — Садись.

Я выгрузила со своего подноса постыдную жирную лазанью, присела за стол и стала давить соломинкой на серебристый кружок на пакетице яблочного сока, пока он не лопнул и из отверстия не появилась янтарная капля.

— Ну, как твой первый день у нас?

— Ты знаешь, хорошо... Конечно, трудно... ну, ты меня понимаешь...

Она умолкла.

— В общем, хрень какая-то по большей части? — ухмыльнулась я.

— Ну да, — с облегчением улыбнулась она. — Сплошная хрень.

— Где ты училась раньше? Твои предки решили переехать?

Мария сконцентрировалась на удалении картофельной кожуры.

— Ага, мы раньше жили в Лондоне.

— Понятно, — отреагировала я. Хотя апрель вообще не самое удачное время для переезда, под конец выпускного класса.

— У меня возникли небольшие проблемы кое с кем из одноклассников, — неуверенно добавила она.

Я почувствовала, что она не хочет, чтобы на нее давили с расспросами, я и не стала.

— Ну, здесь все реально нормальные, — солгала я. — Тут у тебя никаких проблем не будет. Знаешь, мы ходим в город почти каждый день после уроков, ты должна пойти с нами.

— Я сегодня не могу. Меня брат будет ждать около школы, он проводит меня до дома. Но в другой день я с удовольствием к вам присоединюсь.

Сразу после обеда была математика. Софи плюхнулась на стул рядом со мной за партой. За сплетнями в туалете она успела освежить макияж и облиться «Пуазоном». Я сообщила ей, что поболтала с Марией и пригласила ее пойти с нами в город. Софи развернулась ко мне.

— Ты пригласила ее пойти с нами? — проговорила она ледяным тоном.

— Да... а что, не надо было? — Я с трудом подавила дрожь в голосе.

— А Клэр в курсе?

— Нет... Я подумала, никто не будет возражать.

— Могла бы сначала у меня спросить, Луиза.

— Извини, я подумала... она новенькая, и... — Я принялась переключивать книжки на парте, паника во мне нарастала. Что же я наделала?!

— Я знаю. Но я уже про нее слышала, с ней кое-что произошло в старой школе.

— А, все в порядке, она мне рассказала... — Может, это поможет: — Это все вранье.

— Именно так она и будет говорить. А она сказала, что конкретно случилось?

— Нет, — призналась я, щеки у меня начинали пылать.

— Ладно. Но, может, все-таки сначала стоит выяснить факты, а уж потом приглашать людей в компанию?

Некоторое время урок алгебры проходил в молчании, хотя я заметила, что Софи заглядывает мне через плечо, списывая ответы.

— Она и не может сегодня с нами пойти, — попыталась я навести мосты. — Она договорилась встретиться с братом.

— Я слышала, он тоже со странностями. В любом случае я сегодня не смогу пойти в город. Мы с Клэр будем заняты.

Было понятно, что меня на эту секретную встречу не приглашают, поэтому я промолчала. Меня удивляло, что Софи не чувствует исходящих от меня жара, шока и тревоги, которые сочились из каждой поры моей кожи.

Едва прозвенел звонок, она собрала свои вещи и напрямик отправилась на следующий урок. Когда уроки закончились, она, даже не попрощавшись со мной, вцепилась в руку Клэр Барнс; они захихикали и даже не оглянулись на меня. Я испугалась, что испортила с ней все отношения. Черт, черт, черт. Что же мне теперь делать?

Я все еще сижу у себя на кухне перед открытой страницей Марии в «Фейсбуке». В состоянии полного шока, в голове лавина вопросов. Кто это делает и почему именно сейчас? Пытаюсь представить ужасающую вероятность того, что Мария каким-то образом продолжает оставаться живой. И когда на экран выскакивает новое уведомление из «Фейсбука», с трепетом открываю его.

Оргкомитет по встрече выпускников старшей школы Шарн-Бей приглашает вас на встречу выпускников 1989 года.

Встреча выпускников? Я судорожно нажимаю на ссылку, вот оно: встреча выпускников старшей школы Шарн-Бей 1989 года состоится через две недели в старом зале школы. После запроса от Марии это равносильно удару исподтишка прямо в солнечное сплетение. Получить такое в один день. Но может, это совпадение? Я захожу на страницу группы, которая организует событие — она не вызывает подозрений. В начале ленты новостей пост от нашего учителя по английскому мистера Дженкинса — очевидно, он еще не ушел на пенсию. Про него ходило множество слухов: задерживал девочек после уроков, подглядывал в раздевалки и все такое, — но я думаю, что это были выдумки. Мы все считали учительницу по физкультуре лесбиянкой лишь потому, что у нее был стеклянный глаз, так что нас нельзя назвать надежными свидетелями. Остальные новости в ленте представляли собой начавшуюся еще пару месяцев назад возбужденную переписку тех, кто собирался

пойти на встречу. Почему же меня пригласили только сейчас? К голове прилила кровь, и в глазах появилось предательское глупое пощипывание. Как же просто и по-дурацки я вновь почувствовала себя школьницей. Как же быстро меня охватил стыд: мне стало страшно, что меня не примут, оставят в одиночестве. Ты все еще не настоящий член компании. Запоздалая мысль.

Я нажимаю на список участников и судорожно ищу его имя. Ага, вот оно. С фото профиля он смотрит на меня, прищурившись и обнимая кого-то невидимой в кадре рукой. Сэм Паркер тоже собирается посетить это мероприятие. Так почему же он мне ничего не сказал? Конечно, мы не болтаем часами о том о сем, но он мог бы и упомянуть об этом, когда я завозила Генри к нему домой. Может, он рассчитывает, что я так и останусь в неведении.

Я узнаю другие имена: Мэтт Льюис, Клэр Барнс, Джоанн Кирби. Мое сердце замирает, когда я вижу Вестон и с ужасом думаю, что это Мария, но это оказывается Тим Вестон. Боже мой, ее брат! Он был на год старше и не учился в нашей школе, он ходил в колледж по соседству. Однако Тим дружил с Сэмом и другими ребятами из нашего выпуска, так что я не удивляюсь его желанию тоже прийти на встречу. Там еще куча имен, одних я знаю, других не помню. Так много имен, но моего среди них нет.

Я изучаю список участников и наконец нахожу Софи. Я и не сомневалась, что она там будет. Захожу на ее страницу. Я и раньше туда заходила, но устояла перед соблазном попроситься к ней в друзья. На этот раз я прямоком иду в раздел с друзьями, однако Марии там нет. Разумеется, это вовсе не означает, что Софи не получила такой же запрос, какой прислали мне, и не отклонила его. У нее пятьсот шестьдесят четыре человека в друзьях. У меня — шестьдесят два, и часть из них связаны с моей работой. Я подумывала стереть свой аккаунт, чтобы вырваться из пожирающего время